

Ревило Оливер

Тень Империи: Фрэнсис Паркер Йоки двадцать лет спустя

Оригинал: Revilo P. Oliver. The Shadow of Empire: Francis Parker Yockey After Twenty Years

Источник: <https://www.revilo-oliver.com/news/1966/06/the-shadow-of-empire-francis-parker-yockey-after-twenty-years/>

Перевод с английского, 2022 г. На русском языке публикуется впервые!

Впервые опубликовано в журнале *The American Mercury*, июнь 1966 года.

В 1857 году менее пятидесяти тысяч британских солдат внушали страх и держали под контролем весь густонаселенный индийский субконтинент, подавляя мятеж почти четверти миллиона сипаев, туземных войск, которых они обучили и вооружили.

Менее чем через сто лет англичане, в то время, когда в их распоряжении были танки, самолеты, фугасные и зажигательные бомбы, отравляющие газы и все другие средства современной войны, которые по самой своей природе являются монополией великих держав, безропотно и трусливо сдали Индию – и не только оставили территорию, но со шляпой в руке признали равными себе или даже превосходящими «нациями» тех самых туземцев, которых когда-то полностью покорили всего несколько британских полков.

Через столетие англичане, для которых решимость и кровь их героев завоевали империю, над которой никогда не заходило солнце, были низведены – или низвели сами себя – до стада овец, сбившихся в кучу на острове, над которым солнце скоро может взойти в последний раз.

И теперь, чтобы не осталось унижения, которого они еще не навлекли на себя, это жвачное стадо поддержало своими голосами подлого агитатора, наемника международных преступников, в интересах которых он, как стало известно, планирует использовать остатки британской армии, чтобы грабить и убивать еще мужественных и разумных британцев в Родезии. Эта гнусная политика может потерпеть неудачу, и отвратительный мистер Уилсон не сможет угодить своим работодателям, снабжая их любимых каннибалов белым мясом. Но с моральной точки зрения важен не результат, а намерение, и все, кто голосовал за отъявленного предателя своей расы и народа, отныне будут нести на лбу неизгладимую печать Каина.

Британия – одно из тех ужасных исторических зрелищ, которое ни один человек не может созерцать, не испытывая меланхолической смеси сожаления и благоговения, – которое ни один мыслящий человек не может созерцать, не задаваясь вопросом, вызваны ли такие катастрофические изменения слабостью и безрассудством людей или слепыми и неотвратимыми силами природы. Это великая проблема истории.

Обложка книги Фрэнсиса Паркера Йоки «Imperium»

Насущная проблема

Для нас эта проблема стала насущной в первые десятилетия двадцатого века, когда вдумчивые люди начали подозревать или предвидеть, что самая могущественная цивилизация в мире быстро приближается к кульминационному моменту, который может стать катастрофой. Было много попыток вывести и сформулировать законы истории, которые позволили бы нам предсказывать – или, возможно, контролировать – наше будущее. Это исследование исторического процесса, как аналитическое, так и синтетическое, часто называют историономией, и к настоящему времени оно породило тысячи книг и статей, но могущественных и оригинальных умов, которые занимались этими исследова-

ниями, насчитывается не более двух десятков. В качестве своего рода знакомства с ними (включая Фрэнсиса Паркера Йоки) я написал обзор, первые четыре части которого были опубликованы в журнале «Американское мнение» (*American Opinion*) за май, июнь, ноябрь и декабрь 1963 года.

Великим современным философом истории является, конечно, Освальд Шпенглер, чей «Закат Европы» сформулировал проблему настолько ясно и универсально, что все, что написано на эту тему после 1918 года, волей-неволей должно было быть комментарием к Шпенглеру – попыткой расширить, изменить или опровергнуть его авторитетный синтез. Этот великий труд, который наверняка читали и обдумывали все, интересующиеся философией истории, не является самым ясным и первоочередным доказательством гениальности Шпенглера. Это доказательство можно найти в его более короткой и более поздней книге, которую, кажется, читали сравнительно немногие, *Die Jahre der Entscheidung* («Годы решений»), первый том которой был опубликован в Германии (Мюнхен, 1933) и хорошо переведен на английский язык Чарльзом Фрэнсисом Аткинсоном как «Час решения» (*The Hour of Decision*, Нью-Йорк, издательство Knopf, 1934). Неудовольствие гитлеровского режима помешало публикации второго тома при жизни Шпенглера, и, как сообщается, его душеприказчики не нашли рукописи второго тома среди его бумаг. Опубликованная книга, однако, закончена сама по себе и, как убедительный и точный анализ современного мира, не зависит в своей обоснованности от философии Шпенглера. Написанное в ней было подтверждено последующими событиями, и она представляет собой не что иное, как основной учебник для всех, кто хочет понять сегодняшний мир. Немецкий текст был переиздан (Мюнхен, С. Н. Beck, DM 9,60) и легко доступен. Насколько я понимаю, иногда английский перевод все еще можно найти у букинистов.

Ученик Шпенглера

Фрэнсис Паркер Йоки гордо провозгласил себя учеником человека, которого он часто называет просто Философом (с большой буквы), и это правда, что, по крайней мере, общее понимание историономии Шпенглера считается само собой разумеющимся на страницах главного труда Йоки. Но у молодого американца был свой метод, и он пришел к собственным выводам. Мы должны признать в Йоки мощный и оригинальный ум. И мы должны быть благодарны за то, что его *Imperium*, которая несколько лет назад была одной из редчайших книг, теперь доступна в красивом и прекрасно напечатанном издании *The Noontide Press*.

I

Эта книга не для «либеральных интеллектуалов» или других детей. Ни один человек не может изучать историю, пока он не усвоит, что он должен изучать ее объективно и беспристрастно, независимо от своих эмоций или пристрастий. Восхищаетесь ли вы Цезарем или смотрите на него с ужасом, любите ли вы его или ненавидите, это не имеет никакого отношения к тому факту, что он победил в битве при Фарсале.

Ни один человек не должен заниматься историономией, если он не понимает, что единственным вопросом, стоящим перед ним, будет точность диагноза или прогноза. Достоверность анализа ни в малейшей степени не зависит от эмоциональной реакции читателя на предвещаемое им будущее. Когда врач диагностирует диабет, атеросклероз или рак, единственный вопрос заключается в том, правильно ли он наблюдал симптомы и правильно ли на их основе делал выводы. Наше желание, чтобы у пациента не было болезни, совершенно неуместно.

Инфантильные умы, привыкшие жить почти всецело в туманном царстве собственного воображения, неспособны отличить реальность от собственных фантазий. Вот почему я советую «либеральным интеллектуалам» не читать *Imperium*. Если они смогут ее понять, эта книга наверняка вызовет у них истерику и может вызвать даже пароксизмальный припадок. Им лучше оставаться в своих академических аудиториях или других манежах, где они могут с удовольствием лепить куличики из грязи, которые они могут назвать «миром во всем мире» и вокруг которых они могут водить хороводы, напевая переделанную детскую песенку: «Ни в лад, ни в склад, моя жирная курочка, теперь у нас есть большая ООН».

Я также надеюсь, что *Imperium* не попадет в руки мягкосердечных консерваторов, которые хотят Любить Всех. У этих милых дам благородная душа, но они слишком добры для этого мира.

II

Морфология истории Шпенглера и, следовательно, Йоки открыта для оспаривания в некоторых моментах, которые настолько фундаментальны, что фактически являются предпосылками. Здесь достаточно кратко упомянуть о трех основных моментах.

(1) Несомненно, существует аналогия между цивилизованным обществом и биологическим организмом. На фронтисписе первого издания «Левиафана» Гоббса (1651 г.) изображен великан, огромное тело которого состоит из бесконечного множества мужчин и женщин, каждый из которых представляет собой крошечную и едва различимую часть волос великана, его глаз, пальцев

или других органов. Как символическое представление сложного единства нации или цивилизации, это обоснованно. В этом смысле один из последователей Шпенглера Александр Рейвен Томсон справедливо говорит о культуре как о «божественном сверхчеловеке», состоящем из миллионов людей. Но такая символическая аналогия не доказывает, что культура, которая по определению представляет собой совокупность общих верований и ценностей – неосознаваемых и нематериальных мыслей и чувств – сама по себе является биологическим организмом, подчиненным биологическим процессам, определяющим рождение, отрочество, зрелость, старение и смерть всего живого. Почему культура должна угасать и умирать? Как совокупность понятий и идей может подвергаться физическому износу? Гипотеза о том, что культуры имеют жизненный цикл, основана на хронологических параллелях Шпенглера, из которых наиболее важная и лучше всего задокументированная выведена им на основании постулата о том, что античная, т. н. классическая цивилизация древних греков и римлян была полностью отличной от нашей и чуждой ей. Это вынуждает Шпенглера, Йоки, Рейвена, Лоуренса Брауна и других отвергать как «псевдоморфозу», как своего рода универсальную галлюцинацию, абсолютную уверенность Запада вплоть до двадцатого века в том, что он был продолжением греко-римской цивилизации.

Поставленная таким образом проблема сложна, и для ее обсуждения пришлось бы написать целый трактат. Однако меня нельзя убедить в том, что тысячи признаков очень близких взаимосвязей иллюзорны. Например, из всех культур и цивилизаций, которые процветали на этой земле до нашей, только классическая цивилизация древних греков и римлян установила, что Земля является шаром, и только ученые этой античной цивилизации увидели, что Земля может двигаться по годовой орбите вокруг Солнца. Насколько нам известно, никакие другие люди не обладали мышлением, которое могло бы представить себе сферическую Землю или рассмотреть возможность того, что Земля не является центром вселенной. Можно было бы привести еще много других примеров, не менее показательных.

Псевдонаука

(3) Шпенглер предполагал такую пластичность человеческой природы, что сильно недооценивал и почти игнорировал биологические различия между людьми. Шпенглер был введен в заблуждение псевдонаучными данными, сфальсифицированными или искаженными школой Франца Боаса, скрюченного человека, страдающего ненавистью к глупым американцам, допустившим его в свою страну и предоставившим ему престижную профессорскую кафедру, которую он использовал для того, чтобы распространять прокоммунистическую пропаганду под видом «науки». (О Боасе см. книгу «Великий обман: социальные псевдонауки» издательства Veritas Foundation (*The Great Deceit: Social Pseudo-Sciences*), превосходную и поистине бесценную книгу, хотя,

к сожалению, и испорченную некоторыми историческими ошибками в отступлениях, которые не имеют отношения к основному предмету. Эта книга полностью надежна в описании способов, с помощью которых фабианско-социалистически-большевистские заговорщики внедрились в американские колледжи и университеты, захватили и испортили их.)

Шпенглер цитирует Боаса с неоправданным уважением, а Йоки следует за Шпенглером, хотя и с некоторыми благоразумными оговорками. Оба пытаются опровергнуть генетику, приводя примеры явно полной культурной ассимиляции; они не видят, что это можно объяснить явлениями, которые они признают в других местах: культурной пассивностью большинства людей во всех нациях и культурах и тенденцией изолированных индивидуумов приспособляться к обществу, в котором они находятся. Это правда, что выходцы с Востока на Западе с явным рвением и искренностью приспособились к западной культуре; но правда и то, что белые мужчины «стали аборигенами» среди американских индейцев и полинезийцев. Один пример доказывает не больше, чем другой.

Игнорирование расы

Шпенглер фактически игнорирует расу как биологическую реальность и даже использует слово «раса» в небιологическом смысле для обозначения полного участия в культуре. Но никакая культура, каким бы «божественным сверхчеловеком» она ни была, не может изменить ни цвет глаз человека, ни форму его черепа, ни извилины его мозга, ни его нравственные (или безнравственные) инстинкты, хотя, конечно, она может под социальным давлением и, в крайних случаях, под принуждением, подавлять или отклонять потворство этим инстинктам. Покойный Уильям С. Хаас в книге «Судьба разума, Восток и Запад» (William S. Haas, *The Destiny of the Mind, East and West*, Нью-Йорк, Macmillan, 1956) убедительно показал, что существуют, по крайней мере, два принципиально различных психических процесса и способа мышления, каждый из которых непостижим для другого.

Для Йоки этот вопрос менее критичен, чем для Шпенглера. Йоки заботится прежде всего о том, чтобы показать, что «расовые различия между белыми людьми, то есть западными людьми, исчезающе малы» по сравнению с пропастью, отделяющей западных людей от негров и жителей Востока. Этого никто не может отрицать.

Imperium содержит ряд исторических упущений и ошибок, которые неизбежны, когда один человек пытается сделать обобщение из огромной массы сложных деталей, – неизбежны даже тогда, когда автор пишет в богатой библиотеке после десятилетий интенсивных исследований и размышлений. Следует помнить, что Йоки был молодым человеком тридцати одного года, по профессии юристом, который писал в комнате удаленной гостиницы на уединенном берегу Ирландского моря к северу от пролива Святого Георга, – писал по памяти в огне вдохновения и все еще испытывая моральное отвращение, вызванное его участием в ранних стадиях непристойного фарса, разыгранного в Нюрнберге, чтобы обеспечить лицемерный предлог для линчевания, которое Соединенные Штаты осуществили в качестве пешки Международного коммунистического заговора.

Я просто перечислю три наиболее бросающиеся в глаза исторические ошибки.

(1) Когда Йоки писал, что Германия в течение пятисот лет, последовавших за 1267 годом, относительно не пострадала и не понесла таких больших человеческих потерь в войнах, как другие европейские нации, он на мгновение забыл о Тридцатилетней войне, о которой он упоминает в других контекстах.

(2) Его утверждение о том, что кровожадные благодетели Французской революции убили во время террора «от двух до четырех тысяч» французов, исходит из спутанного воспоминания о цифре, приведенной для нескольких дней. Прюдом, принимавший участие в этой демократической оргии и, конечно же, не имевший причин преувеличивать, подсчитал, что общее число жертв террора составило 1 022 351 человек, не считая резни в Тулоне, Марселе, Бедузене, Ла-Форсе и многих других местах.

Еврейская раса

(3) Когда Йоки пришел к выводу, что еврейская «раса» (в его небиологическом смысле этого слова) сформировалась в гетто средневековой Европы, он, вероятно, не знал, что исторические записи о евреях охватывают более двадцати пяти столетий. Нет никаких оснований предполагать, что евреи, переселившиеся в средневековые города и создавшие свои гетто, вызвали большее недовольство среди христианского населения, чем евреи, поселившиеся на острове на Ниле близ Первого порога, вызвали его среди коренного населения Египта в пятом веке до нашей эры. Ошибка Йоки, между прочим, сводит на нет ту параллель, которую он проводит между евреями в Европе и парсами в Индии.

Такие ошибки в деталях не делают ошибочным главный тезис *Imperium*. Проведенный Йоки анализ сил, разрушающих нашу цивилизацию, в значительной степени подтверждается тем фактом, что Лоуренс Р. Браун, писавший, когда *Imperium* был почти недоступен и, кажется, он даже никогда не слышал об этой книге, пришел к тем же выводам, но совершенно другим методом, в своем эрудированном и доходчивом труде «Могущество Запада» (*The Might of the West*, Нью-Йорк, Obolensky, 1963). И в нескольких отдельных областях то будущее, которое Йоки предсказал в 1947 году, кажется, обретает форму сегодня на наших глазах. *Imperium* – это не откровение неизбежного будущего, но труд, который мы должны изучить и поразмышлять над ним, если мы хотим разумно действовать в наше время.

Тревожащая философия

За немногими исключениями, американские консерваторы будут глубоко огорчены *Imperium*. Сегодня в Соединенных Штатах практически вся оппозиция происходящему ныне коммунистическому перевороту исходит от мужчин и женщин, которые твердо верят в принципы, на которых была основана наша Конституция, и которые работают, часто убежденно и самоотверженно, над тем, чтобы восстановить то, что они считают основами цивилизованного общества: строго ограниченное правительство, достижимый максимум личной свободы, свободный рынок частного предпринимательства и общество, которое является достаточно сплоченным и однородным, потому что разумные люди в нем будут принимать определенные общие моральные ценности из внутреннего убеждения, и, кроме того, будут в состоянии контролировать своим влиянием и деятельностью законодательные и другие решения, принимаемые обществом. (Я полагаю, что большинство консерваторов понимают, хотя и не говорят об этом, что последний пункт предполагает некоторое ограничение избирательного права, по крайней мере, столь же строгое, как то, которое преобладало в различных штатах и считалось само собой разумеющимся во время формулирования Конституции.) Более того, консервативная позиция стремится к миру и спокойствию как внутри страны, так и за ее пределами, рассматривая войну как прискорбную необходимость национальной самообороны и категорически отвергая зарубежные завоевания, за исключением таких ограниченных областей, которые могут быть стратегически необходимы для обороны. (Эта оппозиция империализму по большей части рациональна: она не имеет ничего общего с сентиментальным и обычно лицемерным хныканьем по поводу «неимущих» каннибалов и «недоразвитых» варваров; она основана на наблюдении, что империалистические нации должны рассеивать по миру и зря растрачивать наиболее ценную часть своего населения и, вероятно, обнаружат, что ценой империи является авторитарное правление.)

Будущее, предсказанное Йоки, почти полностью противоречит тому, чего хотят и надеются достичь американские консерваторы. Единственный пункт согласия состоит в том, что большевики и их дикий заговор должны быть разгромлены и уничтожены. Кроме этого, то, что предлагает нам Йоки, шокирует: авторитарное и абсолютное правление новой линии Цезарей, личная свобода, ограниченная потребностью в солидарности, дисциплина во всех вопросах политической важности, экономика, контролируемая и регулируемая этими Цезарями, и общество, сплоченное идеалами и моральными обычаями, которые в случае необходимости будут безжалостно навязаны. И такой внутренний мир, как мы знаем, может быть достигнут только путем признания «внутреннего императива абсолютного империализма» Запада.

Благотворный опыт

Вот почему сегодня чтение *Imperium* является благотворным опытом для вдумчивых американских консерваторов. Эта книга заставляет нас пересмотреть реалии стоящей перед нами ситуации и решить, в какой степени наши цели все еще достижимы. Я уверен, что для большинства из нас не будет вопроса о том, чтобы каким-либо образом изменить наше представление о том, что желательно. Проблема будет состоять в том, чтобы решить, от каких из наших конкретных целей следует отказаться, если таковые имеются, потому что они больше не могут быть достигнуты. Если мы что-то отбросим, то сделаем это в духе людей, которые на поврежденном корабле сбрасывают часть груза или даже весь груз за борт, потому что иначе у них не было бы шансов привести корабль и самих себя в порт. Мы поступим так по причинам, побуждающим мужчину бросить свое самое ценное имущество в горящем доме, чтобы спасти свою жену и детей.

Исторический вопрос

Перед нами стоит исторический вопрос, который каждый из нас должен решить для себя сам. Ни один человек не был так предан идее республиканского и рационального правления, как Цицерон: в конце концов, он отдал за это свою жизнь. Но если бы Цицерон в какой-то момент своей карьеры был в состоянии предвидеть как неизбежную ту длинную череду национальных бедствий, которые в итоге привели римский мир к внешне замаскированному, но абсолютному деспотизму наследника Цезаря и более безжалостного преемника, изменил бы Цицерон свою политику и работал ли бы, чтобы ускорить, а не предотвратить конец республики? Римляне следующего столетия, чувства которых блестяще выражены в звучном и печальном эпосе Лукана, еще не утратили понимания республиканских принципов, но горько сожалели, что их предки вовремя не осознали и не приняли то, что Йоки называет «внутренним императивом абсолютного империализма». Таким образом, возникает вопрос,

было ли то, чего не предвидел Цицерон, действительно неизбежным (как полагает Йоки) или же его можно было предотвратить проявлением человеческого благоразумия и мужества в часы принятия решения? Или же фатальность заключалась именно в состоянии и характере римского народа, который ко времени Цицерона настолько испортился, что не желал более платить экономическую и социальную цену за свободу и, следовательно, был неспособен допустить проявление благоразумия и мужества, необходимых для ее сохранения?

Американский консерватор сегодня, по существу, находится в положении Цицерона, что, пожалуй, неудивительно, поскольку Цицерон больше, чем кто-либо другой, своими мыслями и примером вдохновил нашу Конституцию. Наша неотложная и насущная проблема, хотя и осложненная некоторыми факторами, свойственными современному миру, по существу является той же, с которой столкнулись Цицерон и его почтенные современники: *что мы теперь можем спасти и сохранить? И чем мы должны быть готовы пожертвовать, чтобы спасти то, что еще можно спасти?*

Большая ценность

Большая ценность *Imperium* в том, что эта книга заставляет нас реалистично пересмотреть нашу позицию. Мы не можем позволить себе ни малейшей сентиментальности или иллюзии; мы не должны приравнивать слова к делам; мы не смеем путать желания с возможностями. Наше положение слишком отчаянное. Мы должны понять, что мы, цивилизованные люди Запада, являемся меньшинством в этом мире – малым меньшинством, ненавидимым с неизменной и непримиримой злобой огромным и многочисленным варварством, которое нас окружает, и неандертальцами среди нас. Сегодня мы существуем только благодаря силе технологии, единственными создателями которой мы являемся. И Йоки, несомненно, прав, когда напоминает нам, что «техническое превосходство в конечном счете беспомощно, если оно не сопровождается превосходством силы воли, воли к победе».

Вопрос просто в выживании Запада. Ни в коем случае нельзя быть уверенным – по моему мнению, это даже маловероятно – в том, что, чтобы выжить, нам придется смириться с потерей всего или даже большей части того, что Йоки хотел бы, чтобы мы смогли передать Цезарям. Но если *Imperium* потрясет нас, заставив осознать, насколько ненадежны наши шансы на выживание и как тяжело нам придется бороться за все, что мы спасем, это станет эпохой в нашей истории.